

Чайник, стоявший на желтых язычках греца, запел не сразу. Может быть, потому, что ему незачем было опережать сверчка. Сверчков, как известно, в щелях московских комнат не водится. Да и вместо печей -- все больше витое железо калориферов. Торопиться чайнику было не к чему.

Сперва он завел слегка в нос -- точнее, в чуть поддымленный эмалированный носик,-- раскачиваясь на двух сиповатых нотах, затем скользящим портаменто перенесся на высочайший, тонкой нитью сматывающийся в воздух, звук.

-- Ого, да он у тебя с пением. Ишь как забирает. Но только вот у меня есть старый чайник: с виду так, не слишком казист, а твоего перепоеет.

-- Ну, это еще неизвестно.

-- Вот охота человеку спорить. Твой гнутонос с сипинкой. Разве не слышишь? А у моего старичишки,-- еще от покойной тетки он мне достался,-- голос, как стеклышко. С ноты на ноту как по лесенке. И откуда такое в бездушной вещи берется? Не поймешь. Говорят, от трещинки. Да приходи, дам послушать. Иной раз, как паром его расшевелит, поет и крышечкой призванивает. Твоему так не вытянуть. Куда...

-- Мой тоже иногда с коленцами умеет. А впрочем, стоит ли о таком вздор...

И хозяин несколько обиженно снял чайник с огня и наклонил его над стаканом.

Гость сидел, не отвечая и не придвигая стакана. Брови его слегка поднялись кверху. Казалось, он всматривается в какую-то еще не совсем ясную мысль. Затем:

-- Послушай, брат, вот что я придумал...

Штепсель поставил лампу на полусвечность. Публика и судьи сидели полукружьем у затененных стен. В центре -- желтоязыкая керосинка. Рядом с ней -- шестью носами кверху -- шесть состязающихся чайников. Председатель позвонил ложечкой о край пустого стакана:

-- Товарищи, мы живем во времена далеко не диккенсовские. Еще недавно нашим барабанным перепонкам эпохой были предложены орудийные канонады. Но так случилось, что сейчас вот нам позволено заслушать шелестиное пение чайничковых горл. Катастрофы и уюты, очевидно, стоят в очереди к бытию. Но я не намерен расфилософствовывать повестку дня. Точнее -- повестку сумерек. Жюри избрано: Анна Александровна, товарищ... простите, запамятовал, ах да, Годяев и ваш покорный слуга. Слово предоставляется голубому чайнику с прорыжиной на боку. Прошу вас.

Хозяйка чайника, дама с зябким лицом, отбросив концы пестрой тедженской шали от плеч, нагнулась к круглорукому чинному чайнику. Ей передали графин с водой. Вода вхлынула под голубую шапочку. Шапочка надвинулась на круглый рант, и первый из жестяных претендентов стал поверх желтых огоньков. С минутой собравшиеся молчали.

Затем начались громкие мены словами. Кто-то заговорил об итальянском теноре, билеты на которого уже расхvatаны, кто-то вспомнил о прошлогоднем моцартовском "Реквиеме".

И вдруг -- сквозь приглушенные голоса -- тишайшим пианиссимо начал голубой чайник. Это было похоже на песню шмелиного зуда, заблудившегося среди колосьев или мелкоцветья стеблей гречихи. Металлический зуд то сращивал свои зудинки в одну тонкую и острую ноту, то снова распылялся дробной звуковой зыбью.

-- По-моему, это похоже на лет шмеля перед третьим действием в "Сказке о Салтане", помните? -- наклонился хозяин к уху соседа.

-- Да, но мотив в поисках тональности. И после... погодите.

Чувствовалось, что у голубого эмалированного певца подпертое крепким паром дыхание: он перетреливался -- по тонкой, свистящей скале -- все выше и выше. Вслед звуку из острым асилом вострающегося носа певца вывинтилась сердя струя пара. Голос поющего вдруг сел, жалобно булькнул и оборвался.

-- Бис, бис,-- сказал кто-то из затененного угла и беззвучно прижал к ладони ладонь. Но импрессарию чайника, подоткнув концы шали, поспешно убирала его с огневой рампы и чугунной эстрады.

Один из членов жюри, нагнувшись, перелил кипяток из голубого исполнителя в его соседа и выставил его на керосинную решетку.

Это был толстобрюхий, медно-красными отливами рефлексирующий пузан. Именно такие

А